

ДВИЖЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: РОССИЯ И ЗАПАД

М.В. Сухарев

Сухарев М.В. Движение цивилизаций: Россия и Запад // Политические исследования, № 1, 2005 г. с. 72-94.

«Отсюда следует, что мы – очень умные животные, ведущие ненадежное существование в среде, которая резко отличается почти от всех прочих мест во Вселенной; животные, которые упорно пытаются тем или иным способом обнаружить истинные закономерности, управляющие Вселенной и, следовательно, окружающей нас средой».

Карл Поппер

В статье предложен новый культурологический подход, в рамках которого цивилизация рассматривается как воплощение в социальной материи органической системы связанных друг с другом идей и идеальных комплексов, принадлежащих общественному сознанию. Это предельное ментальное поле, метафрейм, характеризующиеся специфическими для данной цивилизации идеальными объектами, репрезентирующими в общественном сознании реальные природные и социальные объекты и явления, предметы материальной культуры, а также известные данному обществу законы взаимодействия всех этих сущностей (законы природы и общества). Такую систему взаимно согласованных идей (идейный гештальт общества) обычно называют *культурой*. В истории мы наблюдаем *движение культур* в социальной материи, в результате которого возникают новые комбинации идеальных комплексов, образующие новые культуры.

В конце XX в. Россия приняла ряд важнейших институтов так наз. «западного общества», в т.ч. политический плюрализм и рыночную экономику, и ее общий культурный гештальт приблизился к западному. Однако эти идеи еще не стали принципом жизни всего российского общества; политическая история страны пока находится в точке бифуркации, на развилке нескольких путей.

Политика: между реальным и воображаемым

М.В.Ильин предложил следующую иерархию возможных «российских политологий» [Ильин 2001]:

- универсальная политическая наука с Россией в качестве частного случая – *политология по поводу России*;
- специфически местный вариант усвоенной российским научным и политическим сообществом общей политической науки – *политология для России*;

- универсальное знание о российской политике – *политология о России*;
- российское знание (представление) об отечественной политике – *политология Россией*.

Невольно на ум приходит аналогия с бергеровским «Социальным конструированием реальности» [Бергер, Лукман 1995, с. 13, 110-111, 242-254], где указывается, что для индивидов, принадлежащих к разным обществам, реальность не одинакова. Достаточно даже мимолетного взгляда на историю, чтобы обнаружить: подобного рода оценка в высшей степени справедлива по отношению к *политической реальности*, если о таковой вообще можно вести речь. Реальность воспринимается разными сообществами по-разному, даже диаметрально противоположным образом, как по-разному воспринимались, в частности, политические события 1935 – 1945 гг. жителями Советского Союза, США и Германии. Что в те годы имело место на самом деле – классовое наступление капиталистов на первое в мире пролетарское государство, передел рынков или битва за хартленд? Политическая реальность неизбежно интерпретируется в рамках и терминах известных людям теоретических конструкторов.

При рассмотрении природы – и степени адекватности – политических воззрений весьма полезными представляются мысли, высказанные в знаменитой книге Т.Куна «Структура научных революций» [Кун 2001]. Введенное Куном понятие *парадигмы* [там же, с. 226-245], как органически связанной системы научных знаний, фактов, теорий, методов, должно быть распространено на политологию. Расхождения в интерпретации политической жизни могут быть объяснены тем, что разные группы политиков и политологов работают в рамках не совпадающих парадигм. Понимание политики каждым человеком, каждым обществом ограничено системой идей, в центре которой лежит идеология, характерная для культуры, присущей данному обществу и одновременно формирующей его.

Да и как может быть иначе, если всякий человек оперирует понятиями, полученными от общества – такими как «социальный класс» или «Божие провидение», «закон всемирного тяготения» или «хрустальный купол небес», «рыночное равновесие» или «социалистическое соревнование». Причем это именно *органические системы* идей и понятий: нельзя, скажем, «вмонтировать» провидение в марксистское миропонимание. Усвоив парадигму, политический слой страны *вынужден мыслить в ее терминах*, интерпретировать политическую жизнь в ментальных моделях, построенных из доступных идеальных элементов. Некоторое время эти модели позволяют объяснять реальность и успешно действовать в ней*.

Однако в какой-то момент, в полном соответствии со схемой Куна, возможности любой политической парадигмы иссякают, начинают накапливаться несоответствия

* В *меметике* – активно развиваемом в последние годы научном направлении [см. напр. Журнал меметики] – такие системы идей называются мемеплексами. Мемеплекс – это комплекс, органическая конструкция из мемов. «Мемы не распространяются независимо. При религиозном обучении, например, индивид получает целый узел мемов, который обычно преподается как целое или не преподается вообще» [Gatherer 1997]. На русский язык слова «meme», «memetics» переводят или как «мим» или как «мем» (соответственно, «меметика»). Мне кажется, правильное использовать корень «мем», связанный в русском языке с понятием памяти («мемориал», «мемуары»), нежели «мим», ассоциирующийся с подражанием «мим», «мимикрия».)

между реальностью и моделью (человек ведь является «страдательным» промежуточным звеном между социально-личностной моделью реальности и самой реальностью). Почему, например, самый передовой общественный строй – социализм – удовлетворяет потребности индивидов хуже, чем загнивающий капитализм? Людям, которых перемалывают между жерновами идеологии и реальности, приходится искать другую систему идей, а это всегда мучительный процесс – даже в физике или математике, а что уж говорить о политике.

Но как избавиться от релятивизма, от ненадежности всех существующих в мире систем политических взглядов? Возможно ли это в принципе? Или же спорить о том, какая из них лучше, какая правильнее, столь же бессмысленно, как спорить о том, что красивее – китайские пагоды или готические храмы?

Начиная изучать философию и будучи в то время примитивным материалистом, я был поражен высказыванием Сократа: «Так вот и с другими орудиями: отыскав для каждого дела орудие, назначенное ему от природы, человек должен и тому, из чего он создает изделие, придать не какой угодно образ, но такой, какой назначен природой. И в каждом случае, как видно, нужно уметь воплощать в железе то сверло, какое определено природой» [Платон 1994: 620-621]. Действительно, форма сверла не произвольна (хотя и может иметь варианты), но «назначена природой». Мы, таким образом, не *изобретаем* сверло, а *открываем* его, открываем его *предназначенную* форму, скрытую в физических характеристиках твердых тел задолго до появления человека.

Политика также является орудием общества, компасом, с помощью которого оно находит путь во всемирной истории. Подобно другим орудиям, политическая наука принимает не «какой угодно образ», но «такой, какой назначен природой». Сверло, как мы знаем, может быть спиральным, а может иметь форму коловорота. Квантовая механика известна в векторной и матричной формах. Но и в том, и в другом случае они должны выполнять свою функцию: сверла – сверлить те или иные материалы, квантовая механика – позволять рассчитывать атомные бомбы и полупроводниковые приборы. Что же касается политической науки, то она должна помогать государству выбирать правильную стезю среди исторических коллизий, позволять ему сохраняться и усиливаться в условиях вечной конкуренции политических систем и культур за социальную материю.

Уверен, что, встретившись с внеземными цивилизациями, мы найдем у них сверла, напоминающие наши. Я полагаю также, что мы обнаружим и сходные элементы в разворачивающихся там политических процессах. Ибо корни всех социальных систем лежат в единых для Вселенной процессах эволюции, сначала атомной – нуклеогенеза, возникновения все более сложных атомов в недрах звезд, затем химической – образования усложняющихся молекул, наконец, планетарной, связанной с появлением жизни. Динамика развития жизни и сообществ существ на любой планете неизбежно будет включать ряд общих принципов.

Поэтому к иерархии политологий, предложенной М.В.Ильиным, я бы добавил еще один уровень – теорию российской политики, как управления *космическим процессом*, которым является история всякого сообщества *планетарного масштаба*. Это позволит

нам установить для политологии объективную, почти естественнонаучную, точку отсчета, выходящую за пределы субъективизма земных цивилизаций.

Освоение этого уровня, этого горизонта мысли представляется особенно актуальным в наши дни, когда почти было созданная российская протоцивилизация оказалась на грани исчезновения, растворения в других цивилизационных проектах. Мы должны понять, какое место в космической эволюции отводила Вселенная России, ведь только заняв его, мы можем сохраниться как самостоятельная творческая сила в мировом процессе.

Развитие жизни на Земле происходит по дарвиновской модели наследования, мутаций и естественного отбора. Сегодня схема Дарвина вышла за пределы биологии и проникла в философию (эволюционная эпистемология), химию (молекулярная эволюция), экономику (эволюционная экономика). Близка к тому, чтобы признать ее, и социология. В социальной эволюции мы видим те же фундаментальные процессы – наследование, изменчивость, отбор. Новая информация возникает именно в результате запоминания случайного выбора, считает Г.Кастлер [Кастлер 1967, с. 10]. Но между социальной и биологической эволюцией имеется принципиальная разница – биологическая изменчивость *существенно* случайна. Она определяется внешними факторами – радиоактивностью, вирусным переносом генов, химически активными веществами и т.д. Живое существо не может меняться целенаправленно, по собственному желанию.

Напротив, общество меняет свое строение (организацию), производит новые орудия, строит города и дороги на основе *мысленной модели желательного будущего*. Государство создает законы, перестраивает вооруженные силы, управляет экономикой, формирует новые органы и институты – и все это предварительно возникает в виде мысленных, идеальных конструкций. Иными словами, *проектное мышление* играет роль агента эволюции; *политика есть средство эволюции*, «мутаген» государственных устройств. Проблема государства в том, как попасть в число успешных мутаций. Если бы в социальной эволюции не было элемента неопределенности, случайности, то можно было бы утверждать, что она идет не по Дарвину. Однако мы сталкиваемся с тем, что экономисты назвали «ограниченной рациональностью», – с невозможностью предвидеть все последствия инноваций. Законы работают не так, как предполагалось, реорганизованные органы государства действуют хуже старых, межгосударственные союзы распадаются.

Можно ли генерировать *безошибочную политику*? На какую логику и теорию она должна опираться? Современная философия отрицает возможность безошибочного знания. Всякое знание «погрешимо», подвержено ошибкам [Поппер 2002, с. 13, 82-84]. Даже представление о том, что завтра утром взойдет солнце, может оказаться ошибочным, если ночью в Землю врежется колоссальный метеорит.

Отсюда следует, что случай играет принципиальную роль в социальной эволюции и к ней применима схема Дарвина. Поскольку политика строится на определенных фундаментальных (различных для разных стран и времен) положениях и логических конструкциях, она является разновидностью логических систем, сходной с научными теориями, тем более что, в отличие от религий, игр, математики, ее объектом выступает

реальный мир. Ее построения и предсказания ведут к действиям в реальном мире, и результаты этих действий подтверждают или опровергают правильность положенных в основу политик.

Политика есть, таким образом, *балансирование* между *воображаемым и реальным*. Государство в лице своей политической элиты строит модели желательного будущего, а затем они претворяются в жизнь усилиями всего государственного организма. Реальность иногда ведет себя не так, как ожидалось, что влечет за собой обратное воздействие сначала на организм, а затем – на мысленные модели. Поэтому к политическому знанию приложим весть накопленный в XX в. багаж философии науки. Рост научного знания и его эффективности свидетельствует о том, что, хотя не бывает абсолютно безошибочной политики, возможна *политика максимального вероятностного выигрыша*, наиболее точно – по сравнению с другими политиками – предугадывающая мировой процесс.

Так что же нам делать? Да то же, что и всей остальной науке. Выстраивать максимально точные теоретические модели своей страны и других стран, не противиться безжалостной критике этих моделей, как можно чаще проверять их на соответствие реальности. И учитывать, что существование относительно точных моделей сложных объектов возможно только в сложных моделирующих системах, т.е. в развитых политических сообществах, где имеется достаточное количество экспертов, обладающих необходимой информационной базой, разнообразными теоретическими инструментами и, главное, включенных в разветвленную сеть научных взаимодействий через специальную литературу, дискуссии, конференции и Интернет. Тогда воображаемая политическая картина мира станет в большей степени отвечать реальности, и политики будут совершать меньше ошибок.

Подвижные границы цивилизаций

Очень часто можно услышать: «Запад», «западная культура», «западная цивилизация». Всем образованным людям примерно ясно, что подразумевается под «Западом» и «Востоком». Запад – это страны Европы плюс США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и, возможно, ЮАР. В свою очередь, Китай или Иран практически без колебаний причисляют к восточным странам. Но стоит начать уточнять границы этих понятий, как возникает масса осложнений. Например, относить ли Японию к западным цивилизациям*? Исключать ли Польшу времен социализма из числа западных стран?

Не имеет однозначного ответа и вопрос о цивилизационной принадлежности России. Очевидно, что советские времена она не входила в круг стран западной цивилизации. Но как дело обстояло до Октябрьской революции и как обстоит теперь?

* Хотя экономически Япония полностью интегрирована в мировое рыночное хозяйство, она имеет весьма своеобразную культуру, начиная с иероглифического письма и особой религии и кончая стилем жизни. Культурный багаж среднего японца (писатели, которых он читал, музыка, которую он привык слушать, знакомая ему философия и т.д.) значительно отличается от культурного багажа человека Запада. Кстати, с этой точки зрения житель России гораздо ближе к жителю Запада. Чтобы в этом убедиться, достаточно проанализировать состав литературы в российских библиотеках: у нас очень мало книг восточного происхождения, зато *переведено и востребовано* *все мало-мальски известное на Западе*.

Можно напомнить, что один из отцов цивилизационного подхода, А. Тойнби писал о России и россиянах: «...этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе ‘вестернизации’, которую возглавил Петр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ Маньчжурской империи» [Тойнби 1991:147]. То есть, границы западной цивилизации не безусловны, не неподвижны, и Россия, по мнению Тойнби, была близка к тому, чтобы войти в нее.

Так или иначе, но преобразованная Петром I Россия начала участвовать в европейских делах, вплоть до вхождения в Антанту; европейские фирмы открывали в ней свои отделения; русская аристократия училась в европейских столицах и говорила на французском языке даже у себя дома, русские писатели (Толстой, Достоевский и др.) и композиторы (Чайковский, Мусоргский) стали полноправной частью европейской культуры. Одновременно Россия все больше интегрировалась в мировую рыночную систему и продвигалась в направлении конституционной монархии или даже федеративной республики. Однако революция Ленина-Сталина вернула границы западного мира на прежнее место, вновь превратив Россию из быстро развивающейся окраины западного мира в абсолютно противостоящее ему общество.

Как известно, сложный комплекс, называемый сегодня «западной цивилизацией», имеет длительную историю, свой путь культурного наследования и развития в толще человеческих обществ, населявших Европу. Эта цивилизация сложилась в результате взаимодействия древнегреческой культуры, римской государственной организации и христианской религии, осуществлявшегося на протяжении нескольких веков около двух тысяч лет назад. Тогда она занимала лишь небольшую часть Европы, а большинство народов, ныне бесспорно относящихся к ней, считались «варварами». Ни современная Англия, ни, тем более, Финляндия, не принадлежали к западной цивилизации. Сейчас же мы наблюдаем, как в Евросоюз вступают страны, еще совсем недавно входившие в социалистический блок.

Для того чтобы прогнозировать, произойдет ли дальнейшее расширение западной цивилизации, необходимо определить основные, базовые элементы *«цивилизации вообще»* и исследовать механизмы распространения этих элементов, законы их комбинирования. Такое исследование в наши дни представляет отнюдь не только академический интерес. Без предварительного ответа на вопрос, *являются ли глобальные изменения в России политической формой движения западной цивилизации или нет*, невозможно никакое региональное, не говоря уже о страновом, стратегическое планирование.

Способна ли революция Горбачева-Ельцина интегрировать Россию в Западную цивилизацию? Может ли европейская часть России оказаться не на границе, а чуть ли не в центре таковой (тем самым превратив ее из «западной» в «евразийскую»)? От ответов на эти вопросы зависит очень многое, в т.ч. то, что нужно делать по обе стороны границы в ближайшие десятилетия.

Цивилизация и движение идей

Начну издалека. Наше материалистическое общество часто не замечает того, что вся человеческая жизнь определяется, формируется движением якобы бесплотных *идей*. Вот в мозгу инженера, сидящего ночи напролет за своим компьютером, рождается некая идея. Она движется затем в субстанции общества, овладевая умами и производственными силами, – и через несколько лет весь мир начинает пользоваться сотовыми телефонами или CD-плеерами. Очевидно, что при этом цивилизация пусть чуть-чуть, но меняется.

Некоторые идеи приходят к нам из фантастической дали. Например, какому народу мы обязаны *идеей кувшина* или *молотка*? Но если мы присмотримся к движению идей в общественном сознании, то обнаружим, что они образуют устойчивые комплексы. Связаны между собой идеи повозки и колеса, гвоздя и молотка, лезвия и точила. Чтобы не кануть в пучине времени, идея должна уметь *овладевать материей и удерживать ее*, иначе она просто исчезнет – ведь идеи не могут существовать вне материи. Однако, всегда существуя в какой-то материи, идеи относительно независимы от нее – *они могут двигаться в материи*, покидая старую и овладевая новой.

Способы, которыми идеи овладевают материей, весьма разнообразны, и я не буду здесь углубляться в их разбор. Отмечу только, что идея молотка овладевает материей с помощью человека; человек для нее – лишь средство увековечить себя. Но идея молотка полезна *идее человека*; вместе им легче овладеть материей дома. Поэтому идея молотка и идея человека образуют устойчивый комплекс, усиливают друг друга или вступают в синергетическое взаимодействие.

Молоток (или станок) не в состоянии воспроизвести себя. Но может ли отдельный человек или некое племя отказаться от производства молотков? Нет, иначе более благоразумные соседи «выдавят» их из истории. Человек *вместе с артефактами* образует *систему*, которая должна воспроизводить себя как целое, воспроизводить все необходимые орудия и людей. Ведь если человек делает молотки, то и молоток в каком-то смысле делает человека, ибо человек без молотка – животное, а с молотком – уже цивилизация. Иными словами, цивилизация творит людей – не каких попало, а тех, которые требуются. Как для добычи угля и уборки зерна конструируются разные орудия, так производятся люди для науки и для войны, для торговли и для управления.

Еще в большей степени это справедливо по отношению к социально-экономическим институтам. Правильнее сказать, что *институты создают людей* такими, какие они есть, такими, какие нужны для поддержания и сохранения этих институтов, нежели наоборот. Вклад любого индивида в создание социального института ничтожен; его рациональность в этом процессе настолько ограничена, что близится к случайной. Вместо «правил игры» по Д.Норту, мы имеем «игру правил», в которой последние играют людьми.

Складываясь вместе, синергетические идеи образуют масштабные целостные (холические) комплексы, которые можно, позаимствовав термин у психологов, назвать *гештальтами* [Сухарев 2001]. Так, типичным гештальтом является физика как наука. Это не просто единичная идея, но огромное множество частных идей (идея *массы*, идея *скорости*, идея *измерения*, идея *эксперимента* и т.д.), которые соединяются в

определенном порядке, порождая хорошо узнаваемый даже неспециалистами образ. Школьник старших классов легко отличит физические формулы от химических. Даже человек, забывший все школьные курсы и ориентирующийся в жизни «по телевизору», не спутает физику, например, с биологией.

Важно заметить, что, образуя сложные *комплексы*, идеи создают нечто новое, обладающее свойствами, которых не было у исходных идей. Так, идеи планера и двигателя в комплексе создают самолет. При этом целое, помимо идей-элементов, содержит идею, не существовавшую ранее в природе, – *идею соединения* составляющих идей*.

Подобно тому, как соединение в самолете идеи планера с идеей двигателя создало новое средство передвижения, соединение в цивилизации римского государственного устройства с христианской религией создало новый способ организации общества, который в разных вариантах постепенно распространился на всю Европу, а затем – с запозданием и в заметно измененном виде – на Россию.

Поскольку эффективность, с которой комплексы овладевают материей, не одинакова, а количество материи ограничено, в соревновании за обладание этим ресурсом происходит *естественный отбор идей*. (Здесь я опять отвлекаюсь от рассмотрения механизмов такого отбора; ясно, например, что идея самолета борется за материю опосредованно, через механизмы и институты человеческого общества.)

Самыми большими из подобных комплексов идей являются *цивилизации***.

Практически любой человек, даже если он ничего не понимает в мировой истории и не читал Леви-Стросса, сможет отличить восточную цивилизацию от западной, будучи высажен из летающей тарелки в Пекине или в Лондоне. Поэтому цивилизация – это *гештальт, целостный комплекс идей* меньшего масштаба. Поскольку в цивилизацию входят такие элементы, как наука и культура, можно говорить, что она есть *комплекс идейных комплексов*, многоэтажное иерархическое идейное строение. Как и другие идейные гештальты, цивилизация борется за материю, но материю особого рода. Это социальная материя – люди и их память, их мозг. В борьбе за овладение людьми включение новых групп в социальную массу, несущую соответствующую цивилизацию, предпочтительнее их уничтожения. «Бог желает обращения язычника, а не его смерти» – вот принцип, общий для многих религий. То есть, борьба не на жизнь, а на смерть здесь ведется между *идейными комплексами*, а не между биологическими существами, хотя в реальной физической борьбе эти информационные суперсистемы сталкиваются друг с другом именно живых людей.

* В.Турчин называет эффект возникновения нового качества при образовании комплексной системы из систем низшего уровня «метасистемным переходом» [Турчин 2000, гл.3].

** Обычно под цивилизацией понимают материальную сущность – общество вместе с совокупностью предметов материальной культуры. В настоящей работе она трактуется как комплекс человеческих идей, идей социальных связей и отношений, идей предметов культуры, а также сами предметы и общества, организованные по данным идеям. При этом упор делается на движение идей, а не перемещение материи. Отмечу, что подобный подход в принципе свойствен человеческому языку. Язык насковзь идеалистичен. Например, мы говорим «эволюция двигателей», хотя ясно, что эволюционируют идеи устройства двигателей, а не двигатели сами по себе. В таком построении речи отражается опыт человеческой деятельности по внедрению идей в материю.

Формирование каждого элемента цивилизационного гештальта требует работы многих поколений. Например, архитектура зданий, характерная для некой цивилизации, определяется и климатическими особенностями охваченных ею территорий, и организацией общественной и семейной жизни (для больших семей необходимы большие дома; кочевникам нужны складные жилища, городская скученность порождает многоэтажные здания), и историческим опытом несущего цивилизацию общества. Даже какой-нибудь декоративный узор или элемент конской упряжи, присущий данной культуре, обрабатывается и шлифуется веками. И это не случайно.

Создание идеи новой вещи, не существовавшей прежде в природе, есть *создание новой информации* – явление, невозможное в рамках обычной теории информации. Однако информация все же откуда-то возникает. Смысл любой инновации заключается в том, что *человек задает природе вопросы*, причем вопросы эти материальны. Это и произведенные человеком вещи, и новые формы построения самого общества. Сама организация каждой новой вещи несет в себе информацию.

Предлагая новый товар, предприниматель задает обществу вопрос: войдет ли этот товар в хитросплетение людских и производственных потребностей, найдет ли свое место в конкуренции/синергии тысяч других товаров? Изобретая новый институт или заимствуя его у иного общества, законодатель задает вопрос Истории: принесет этот институт пользу стране или нет? И как в одном, так и в другом случае никто не может быть уверен в положительном ответе*.

Природа отвечает на подобные вопросы тем, что либо оставляет новые идейные конструкции жить далее, либо ломает их. То есть, в каждом ответе содержится всего один бит информации – «да» или «нет», а потому накопление идет крайне медленно и очень дорого стоит. Разумеется, со временем общество учится задавать все больше вопросов в единицу времени и организует для этого специальные структуры (экспериментальная наука и инженерия), но сами такие структуры созданы путем проб и ошибок и составляют часть тезауруса цивилизации.

Здесь я хочу обратить внимание на один принципиально важный аспект проблемы, а именно на *колоссальное количество информации*, заключенной в цивилизации. Всем известен закон сохранения энергии. Информация, как мы знаем, легко может исчезнуть бесследно. Но никто никогда не видел, чтобы *из ничего (ex nihil)* возникло значительное количество какой-то осмысленной информации. Поэтому можно, пусть не с такой строгостью**, как в физике, сформулировать «закон невозникновения информации из ничего». Конечно, предсказательная сила такого закона будет меньше, чем в физике, но и он позволяет сказать довольно многое. В частности, из него следует, что информационные линии, по которым передаются идеи, определяющие любую сложную цивилизацию, идут непрерывно через века и народы и в развитии цивилизаций от простого к сложному

* Подобный взгляд полностью отвечает эволюционной эпистемологии К.Поппера: «Отдельный организм представляет собой своего рода 'головной отряд' эволюционного ряда организмов, к которому он принадлежит /.../ ...Он сам является пробным решением, апробирующим новые экологические ниши, выбирающим окружающую среду и преобразующим ее» [Поппер 2002, с. 235].
 ** И даже усмехаясь про себя (на всякий случай).

гораздо выгоднее пользоваться комбинациями уже отобранных элементов, а не создавать новые на пустом месте.

Другими словами, он указывает на то, что *к движению и развитию цивилизаций полностью применима дарвиновская схема* (если, конечно, правильно понимать эволюцию, т.е. видеть в ней отбор не живых существ или обществ, а генетической информации и цивилизационных гештальтов, *идей организации материи*). В пользу такого заключения говорит наличие трех главных компонентов этой схемы – изменчивости (существенно случайной), отбора и наследуемости (запоминание выбора)*. Вызовы, которые история постоянно бросает цивилизациям, совершают отбор. Продолжение истории «запоминает» выбор.

Перенесение целостного образа цивилизации нередко осуществляется некими слоями, плоскостями. Так, сначала на соседнее общество распространялась религия, и уже следом шло изменение законов и обычаев. Будет ли сообщество, в которое происходит интрузия цивилизации, восприниматься как западное, зависит от того, превышен ли тот порог, за которым возможно уверенное распознавание гештальта цивилизации.

Итак, гештальт – это целостный образ. Распознавание образов в последние годы оформилось в особую науку, имеющую большое практическое значение. Принцип распознавания образов используется в компьютерных программах, в частности в программах сканирования (OCR – optical character recognition). Однако существуют образы, не видимые глазами. Как мы узнаем, например, писателя по кусочку текста на вырванной странице? Или человека, который пишет на интернет-форуме, скрываясь под псевдонимом? У нас в сознании имеется мысленный, или, как говорят философы, интеллигибельный, образ умственного склада человека, его способа думать и выражаться.

Хотя цивилизация имеет немало очевидных проявлений, вроде архитектуры типичных для нее зданий, образы многих ее составляющих – религии, обычаев, моральных принципов, культуры – носят именно такой умопостигаемый, интеллигибельный характер. Распознать цивилизацию, отличить ее от другой может сегодня только человек. Но и для него это очень сложная проблема. На данный момент нет даже общепринятого определения того, что такое «цивилизация».

В энциклопедии «Культурология XX век» отмечается, что цивилизация – это «межэтническая культурно-историческая общность людей, основания и критерии для выделения которой, как правило, разнятся в зависимости от контекста и целей применения этого термина» [Культурология 1998: с. 344]. Согласно С.Хантингтону, «цивилизация... представляет собой самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации – за исключением того, что вообще отличает людей от других живых существ. Цивилизацию определяют и такие общие объективные элементы, как язык, история, религия, традиции, институты и субъективная самоидентификация людей. /.../ Цивилизации – это самое большое 'мы', где человек

* О наследовании цивилизаций писал, в частности, Тойнби, обнаруживший «сыновнее родство» между цивилизациями [Тойнби 1991].

чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех 'них' – тех, что вовне» [Хантингтон 1997: с. 117]**.

При распознавании образов неизбежно возникают случаи, когда тот или иной образ не может быть с уверенностью отнесен к какому-либо классу. Зачастую это образы, лежащие между классами. Для культурологов таковым является образ России. Одни причисляют ее к западной цивилизации, другие считают самостоятельной евразийской цивилизацией, третьи вообще предпочитают обходить этот вопрос. И это не случайно. В России смешаны кажущиеся несовместимыми черты восточных и западных культур. Более того, пропорции данной смеси постоянно меняются. Поэтому, чтобы разобраться в том, как соотносятся Россия и Запад сейчас, в период быстрых и глубоких изменений, необходимо проанализировать структуру и исторические тенденции культурных гештальтов по обе стороны границы.

Взрыв сложности

Человеческое общество есть система, состоящая из живых существ, связанных особыми социальными взаимодействиями (подчинения, доверия, обмена, координации, договора, дружбы, любви и т.д.), не встречающимися нигде вне общества. Это специфически человеческие взаимодействия, столь же характерные для социального интегративного уровня организации материи*, как для химического уровня характерны химические связи между молекулами и атомами. Именно социальные взаимодействия между людьми создают общество и позволяют ему действовать координировано, как единое целое. Если первобытное племя представляло собой довольно простую и хорошо очерченную систему, то современное общество включает в себя огромное множество относительно независимых систем, которые накладываются друг на друга, но при этом далеко не всегда совпадают.

Так, производство современного компьютера требует работы *системы* предприятий, многие из которых расположены в разных странах. Страны (государства) тоже суть системы, объединенные определенными юридическими институтами и обеспечивающими их структурами (армией, пограничной и таможенной службами и т.д.). Однако и люди, и предприятия, и организации могут одновременно входить в системы, границы которых не совпадают с границами государств. Например, человек может быть членом мирового научного или писательского сообщества, предприятие – отделением международной корпорации, организация – членом какой-либо ассоциации, и даже и не одной. Пользуясь фотоаппаратом «Кодак» или бритвой «Филипс», житель России или, скажем, Украины незаметно для себя становится частью всемирной экономической системы.

** Замечу, что подобное определение устраивает далеко не всех, ибо «...политологу трудно всерьез работать с такими объектами, как цивилизации, пока они туманно определены как 'культурные общности наивысшего ранга'» [Цымбурский 1997: с. 154]. Кроме того, в приведенном определении имеется существенная доля тавтологии – цивилизация, делающая людей культурно идентичными, описывается через их самоидентификацию.

* О концепции интегративных уровней см. Кремянский 1969.

Критерием сложности социальной организации является *минимальное количество людей, необходимое для сохранения ею своего качества* [Сухарев 1987]. Если мы сравним с этой точки зрения человеческие общества в различные исторические эпохи, то обнаружим громадные расхождения.

Носителями любой цивилизации каменного века могли выступать очень небольшие общины. Племя тех времен было способно воспроизводить себя, а самое главное – свою культуру, имея в своем составе несколько сотен человек. Этого хватало, чтобы хранить в общественной памяти обычаи, навыки охоты, знания о растениях, способы изготовления оружия и одежды, строительства примитивных жилищ. «Номенклатура орудий насчитывает для нижнего палеолита свыше 20 названий, для среднего – свыше 60, для верхнего (позднего) – свыше 90. /.../ Если разбить этот нижнепалеолитический прогресс даже на 20 этапов (что дает очень дробную шкалу мельчайших, едва уловимых археологических сдвигов), то на каждый этап придется величина порядка 2.500 поколений. Даже в среднем палеолите на малейший сдвиг в технике изготовления орудий приходится величина порядка 200-300 поколений» [Диденко 1996: с. 29]. Сравните эти единицы новых орудий, созданных за 200 поколений, с теми десятками тысяч принципиально новых изделий, появившихся в XX в., т.е. за три поколения!

Но один человек, одна биологическая особь не в состоянии нести даже простейший культурный багаж неолитического племени. Зачем *отдельному* человеку язык? И что такое человек без языка? Сама мысль об *абсолютно отдельном человеке* абсурдна, эквивалентна мысли о дырке от бублика. Культура, цивилизация, язык, социальные институты суть принадлежность человеческого общества и не могут переноситься одним человеком как целостность*. Емкость и производительность человеческого мозга просто недостаточны для этого. Если воспользоваться аналогией из области компьютерной техники, то общество можно представить как многопроцессорный комплекс, объединенный информационной сетью. Язык, устный и письменный, играет для людей ту же роль, какую информационные сети играют для компьютеров. Цивилизация – это программа, выполняемая на таком многопроцессорном комплексе и нацеленная на расширенное воспроизводство самой себя, а заодно и комплекса.

В более поздние эпохи, например во времена средневековья, для поддержания качества цивилизации уже нужны были многие тысячи человек. Цивилизация невероятно усложнилась. Появились сотни разнообразных профессий, тысячи видов знаний и умений, составляющих вместе неповторимую картину данной цивилизации. Эту особую картину, целостный идеальный образ цивилизации, включающий как набор определенных частных идей изделий, умений, знаний, правил, так и специфический способ их соединения, взаимодействия, можно назвать гештальтом общества.

Гештальт общества зачастую позволяет нам чисто зрительно в доли секунды понять, внутри какой цивилизации мы оказались. Кареты и мощные камнем улицы говорят о Европе позднего средневековья, рикши и пагоды – о цивилизациях Востока, асфальт, небоскребы и большие автомобили – о Североамериканских Штатах.

* Об этом замечательно писал Т. де Шарден в книге «Феномен человека» [Шарден 1987].

В настоящее время такая цивилизация, как западная, способна существовать и воспроизводиться только в огромных сообществах, насчитывающих сотни миллионов человек. Ни одна страна в мире сегодня не обеспечивает себя всем необходимым. Достаточно вспомнить, что практически вся бытовая электроника, которой пользуются американцы, произведена иностранными фирмами. Но попробуйте вообразить современную цивилизацию без телевизора и видео! А раз так, то они являются неотъемлемой частью цивилизации.

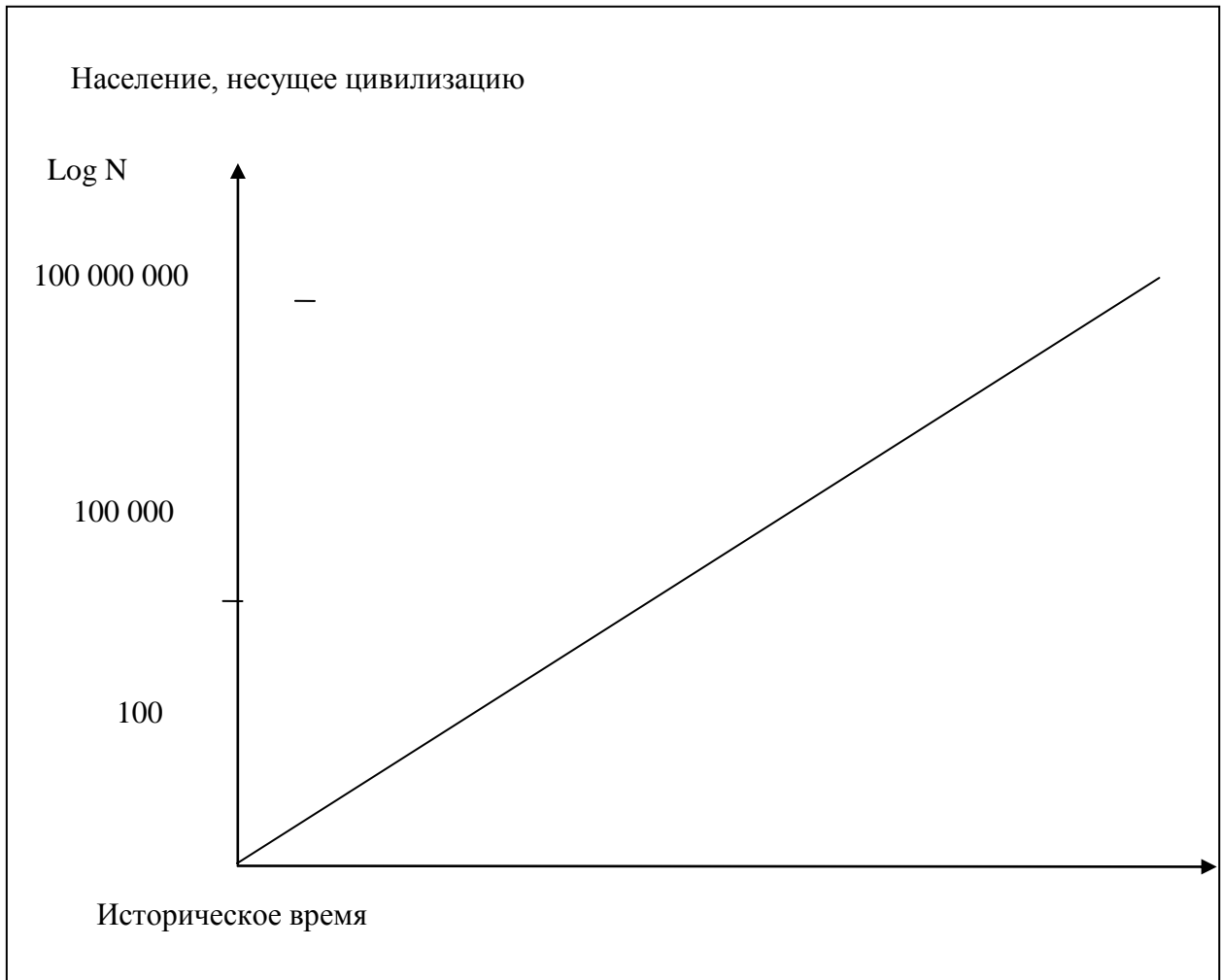

Рис. 1. Рост сложности цивилизаций, выраженный как численность несущих их обществ

Что ожидает нас в случае, если усложнение цивилизации продолжится? Ясно, что через очень короткое по историческим масштабам время (двести-триста лет) все человечество будет вынуждено слиться в одну-единственную цивилизацию.

Однако сохранится ли эта тенденция? Есть все основания полагать, что да, ведь она прослеживается с первой секунды Большого Взрыва, в котором возникла наша Вселенная [Сухарев 1998]. В начале не было ничего, кроме газа элементарных частиц. Не было даже атомов. Сложные атомы и молекулы появились позднее, в процессе звездной эволюции. Еще позже образовались планеты, первоначально безжизненные. Жизнь зародилась в виде примитивных одноклеточных организмов и лишь через миллионы лет развилась в

известные нам сложные организмы, состоящие из триллионов клеток. Иерархию систем, сформировавшихся за время эволюции Вселенной, можно представить следующим образом:

- атомы, самые сложные из которых включают более 300 элементарных частиц;
- молекулы, включающие до нескольких миллионов атомов;
- клетки, включающие $10^{16} - 10^{18}$ молекул;
- живые существа, включающие до $10^{10} - 10^{12}$ клеток;
- общества, включающие до сотен миллионов человек.

Разумеется, усложняются далеко не все системы. До сих пор существуют и элементарные частицы, и примитивные организмы, и затерянные в джунглях племена. Но *лидирующие системы*, образующие ветвь прогрессивной эволюции, усложняются уже многие миллиарды лет, и довольно странно ожидать, что этот процесс прекратится в грядущем столетии, которое всего лишь миг по масштабам истории, геологии и космоса.

Нарастающее усложнение технологий, производственных процессов, разделения труда ведет к тому, что уже целые страны начинают специализироваться на каких-то отдельных отраслях производства, науки, культуры. Чем это чревато для России и Европы? Ресурсы Европы как носителя современной цивилизации практически исчерпаны. Еще в более тяжелом положении находится Россия. Если, будучи ядром социалистического блока с населением свыше 300 млн. чел., она могла рассчитывать на развитие собственной цивилизации, то теперь об этом приходится забыть. Конечно, еще есть люди, мечтающие присоединить к России человеческие массы таких стран, как Ирак, Иран или даже Индия, но вряд ли подобные мечты реалистичны. Для их воплощения нет ни времени, ни сил.

Второй путь – это вхождение в западную цивилизацию (или наоборот – вхождение западной цивилизации в Россию). Тысячу лет Россия уклонялась от окончательного выбора и продолжала бы уклоняться и впредь, если бы цивилизации не доросли до глобальных размеров.

Тот факт, что в культурном отношении Россия заметно отличается от других европейских стран, не является непреодолимым препятствием. Испанцы тоже не очень похожи на финнов, но это не мешает и тем, и другим принадлежать к сообществу стран Запада.

На каких же принципах возможно такое вхождение? Безусловно, здесь должен использоваться уже проверенный Европейским Союзом принцип сохранения государственного суверенитета при одновременном приведении в соответствие с общеевропейскими нормами законов, процедур, стандартов и прочих институтов, определяющих жизнь общества. И все это при соблюдении национальных интересов России. Ясно, что данный процесс потребует десятилетий. Сам Евросоюз складывается уже полстолетия, и это притом, что европейские страны, несмотря на все их разнообразие, исходно были довольно близки друг к другу.

Но чтобы пройти любой путь, его надо начать. И для этого России следует принять принципиальное решение о том, что она берет курс на реальное сближение с Европой. Такое решение не может быть принято ни президентом, ни Думой. Его должно принять

все российское общество, ибо только тогда оно сможет стать достаточным основанием для дальнейших действий. Вероятно, одним из вариантов принятия подобного решения мог бы быть референдум.

Со своей стороны, Европа тоже не готова к поспешным решениям. Советский Союз, осью которого была Россия, слишком долго пугал весь континент. Да и современная российская действительность не слишком привлекательна. Однако процессы в России протекают очень быстро: не зря говорят, что русские долго запрягают, но быстро ездят. Уже более миллиона человек ежегодно совершают поездки как из России на Запад, так и в обратном направлении. Таинственный и опасный для напуганного рассказами о шпионах советского человека иностранец приобретает живое лицо, вовсе не озабоченное погублением России. Так же и русский, представлявшийся европейцу громилой с автоматом Калашникова в одной руке и бутылкой водки в другой, гораздо чаще оказывается скромным образованным человеком. Тысячи деловых связей заставляют людей по обе стороны границы искать общие решения конкретных задач, создавая сеть взаимодействий, служащую основой *системы, объединяющей цивилизации*.

Соотношение цивилизаций

Детальный анализ цивилизаций сегодня еще невозможен – наука не имеет для этого адекватных инструментов. Еще менее реально создать модель цивилизации и прогнозировать ее развитие. И все же некоторую ясность в ситуацию внести можно, проанализировав состав тех «компонентов», которые включает цивилизация, и их соотношение в разных странах. Многие можно понять, проследив движение и историческое развитие цивилизаций.

В статье «Народы между цивилизациями» В.Цымбурский выделяет следующие ключевые элементы западной цивилизации:

- определенный этнический состав: «Все европейские империи строились либо на романской, либо на германской этнической основе» [Цымбурский 1997: с. 156]. Это не означает, что страны, имеющие иные этнические корни (например, Финляндию), Цымбурский исключает из западной цивилизации, но главным для его концепции являются «ядровые платформы цивилизаций» и важен именно их доминирующий этнос;
- сакральная вертикаль: западнохристианская традиция «во всей ее полноте, включая ее светские производные, например либерализм Просвещения»;
- латинское письмо [Цымбурский 1997: с. 158].

«...К востоку от опорного ареала ‘коренной’ Европы, где ‘романо-германизм’, западное христианство, латинское письмо и средневековое архитектурное наследие готики выступают вместе, от Одера до Прикарпатья простирается пространство, на котором отдельные признаки из этого комплекса отщепляются друг от друга и порознь сходят на нет, – доказывает он. – /.../ За пределами хорошо распознаваемого ядра Запада начинается интервал между ‘почти несомненной Европой’ и ‘практически очевидной не-Европой’» [Цымбурский 1997, с. 159]. Но отсюда следует, что России, даже откажись она (что практически исключено) от православия и кириллицы, закрыт путь в западный мир.

Если пребывание где-то на границах западного мира стран с отличной от «ядровой» этничностью (та же Финляндия) и «сакральной вертикалью» (Израиль) допустимо, то присоединение столь большой людской общности, как Россия, разрушит всю конструкцию.

Однако с теорией Цымбурского можно поспорить. При взгляде на историю цивилизаций как на движение идейных гештальтов в социальной материи и этничность, и тем более алфавит предстают второстепенными факторами. И тому есть немало убедительных подтверждений. Так, источниками западной цивилизации были идейные комплексы, сформировавшиеся в древней Греции, Риме и Палестине. «Западную культуру в древнем мире выработали греческие республики и Рим» [Соловьев 2001: с. 216]. Несколько позже, на закате Римской империи, эта культура соединилась с еще одним важнейшим компонентом западной цивилизации – христианством. Как известно, христианство зародилось в еврейском народе, принадлежавшем к другому этносу, а в дальнейшем главными носителями западной цивилизации оказались германские племена, образовавшие в IX в. империю Карла Великого. Цымбурский, как и некоторые другие культурологи, употребляет термины «романо-германизм», «римско-германский». Между тем для римлян германцы были варварами, не входящими в число культурных народов. Но что происходит, когда германцы завоевывают Рим? Они воспринимают римскую культуру, а их вождь в конце концов объявляет себя римским императором и обращается в христианство.

Если мы рассмотрим движение комплекса идей, составляющего западную цивилизацию, то обнаружим его распространение из сравнительно небольшой зоны в Центральной Европе почти на весь европейский континент, включая Британию. Нельзя забывать и о том, что шведы и финны тоже далеко не сразу вошли в круг западной цивилизации. В своем движении гештальт западной цивилизации захватывал разные народы, независимо от их этничности и исповедуемых религий. Но в процессе движения изменялся и сам комплекс. В частности, можно отметить включение в него *монархического принципа*, привнесенного германцами. В течение долгого времени почти все европейские государства, отбросив римское республиканство, были организованы как монархии, формирующие национальные государства.

Вряд ли можно считать принципиальной, для включения или не включения в западную цивилизацию, и принадлежность к той или иной «сакральной вертикали» в рамках христианства. Отличия между католицизмом и протестантством во многих отношениях гораздо существеннее, чем между католицизмом и православием, что не мешает протестантским странам быть полноправными членами западного сообщества.

И совсем уж странным выглядит тезис о фундаментальном значении графики алфавита. В качестве антитезы сошлюсь на Израиль, где даже пишут справа налево. Однако вряд ли кто-нибудь усомнится в принадлежности Израиля к западной цивилизации. Более того, еврейский народ, даже будучи рассеянным по миру, принимал самое деятельное участие в создании многих ее элементов. И это невзирая на свою «неядровую» этничность, сакральность и графику алфавита!

Итак, цивилизация – это в первую очередь колоссальный иерархический комплекс идей. Правильнее сказать даже – комплекс комплексов, поскольку его элементами являются сложнейшие идейные строения науки, философии, религии, морали, права, искусства и т.д. Идейные блоки цивилизации могут заимствоваться другими народами, овладевать новой социальной материей. Например, естественные науки, созданные западной цивилизацией, используются сейчас народами всего мира.

Но усвоение одного или даже нескольких блоков, заимствованных у другой цивилизации, еще не означает вхождения в эту цивилизацию. О таком вхождении можно говорить только тогда, когда количество заимствованных блоков достигает «критической массы» и из них складывается целостный образ, гештальт цивилизации.

Коллективное мышление и цивилизация

Мышление вообще представляет собой коллективный феномен. Оно неразрывно связано с языком, а язык по самой своей сути – явление социальное. В процессе мышления человек оперирует множеством *понятий*, но он не придумал их лично, а почерпнул из общества. Большой частью своих знаний о мире цивилизованный человек обязан не собственным ощущениям, но обществу, и получены они через других людей и средства информации. Никто из нас не встречался с Ньютоном, очень немногие проводили эксперименты, доказывающие существование атомов, мало кто наблюдал квазары с помощью радиотелескопа, но мы верим в то, что все это действительно было или есть в природе.

Именно в силу того, что создание всей совокупности мысленных, *идеальных объектов* не по силам отдельному индивиду, она оказывается достоянием цивилизации. И когда цивилизация снабжает человека такими идеальными объектами, как *теплород* или марксистско-ленинские *классы*, он вынужден или оперировать этими объектами (причем по законам, которые предложены ему цивилизацией), или создавать новые, что доступно только гениям. Если цивилизация обладает идеальным объектом *фабрики*, довольно просто планировать строительство таковой; если же данного понятия в арсенале цивилизации нет, то человеку предварительно требуется *изобрести понятие*, поработать демиургом. Чтобы понять, насколько это сложно, попытайтесь представить себе кочевника из войск Мамай, который *придумал фабрику!*

При взгляде на природу цивилизации с позиций *коллективного мышления* сразу же приходит на ум уже упоминавшаяся книга Куна. Хотя Кун и не дает формального определения парадигмы, в «Дополнении 1969 г.» он приводит ряд ее признаков. Во-первых, «парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [Кун 2001: с. 226]. Данная дефиниция неизбежно вызывает в памяти хантингтоновское определение цивилизации как культурной общности. Во-вторых, парадигма есть набор предписаний для научной группы, «символические обобщения», которыми пользуются ее члены. Точно так же и люди, входящие в цивилизацию, принимают ту *модель мира*, тот способ мыслить, которые характерны для этой цивилизации. В-третьих, парадигмы суть «общепринятые образцы». Но любая цивилизация включает широчайший спектр «общепринятых

образцов» – начиная с моделей поведения и кончая образцами орудий труда и утвари. И, наконец, элементом парадигмы оказываются ценности: «...чувство единства в сообществе ученых-естественников возникает во многом именно благодаря общности ценностей» [Кун 2001: с. 237]. Общими ценностями обусловлено и чувство единства у входящих в цивилизацию людей. Таким образом, расширяя введенное Куном понятие, можно сказать, что идейная основа цивилизации – это *предельная парадигма* сообщества людей.

Еще одна аналогия в плоскости значения цивилизации как коллективной формы мышления возникает при чтении работ Г.П.Щедровицкого. Развивая концепцию «системомыследеятельности» (СМД), Щедровицкий отмечал, что коллективное мышление всегда проходит в определенных «рамках». При этом, говоря о сложности установления «рамки мыследеятельности», он указывал, что эти рамки определяются особым полем идеальных объектов, характерных для рода деятельности людей, участвующих в СМД. Если в СМД участвуют специалисты различных родов деятельности, то рано или поздно они осознают, что оперируют множествами мысленных объектов, имеющих разную природу. Тогда перед ними встает проблема *расширения рамок*.

При таком угле зрения, цивилизация – это предельно широкая системомыследеятельность людей, и поле составляющих ее идеальных объектов является предельно широкой рамкой всякой мыслительной деятельности в пределах соответствующей цивилизации.

Расстояние между цивилизациями

Теперь от общих рассуждений перейдем к конкретным странам и цифрам. Дабы подкрепить изложенные выше соображения, я попытался количественно оценить расстояния между странами в цивилизационном пространстве. Были выбраны 10 параметров, характеризующих цивилизационный гештальт. Понимая всю условность этого набора параметров и их величин, я исходил из того, что со временем под влиянием конструктивной критики измерение координат стран в цивилизационном пространстве и расстояний между ними будет поставлено на более прочную основу.

10 переменных создают пространство с десятью измерениями. Для того чтобы снизить разброс данных, все параметры были нормированы по наибольшему значению для каждой переменной; таким образом, их величина может меняться от 0 до 1 по любой координате. Расстояние между странами вычислялось по формуле:

$$S = \sqrt{\sum (Ak - Bk)^2}$$

где А и В – параметры двух стран, а k – номер параметра от 1 до 10.

Исходные данные сведены в *табл. 1*, а полученные результаты – в *табл.2*.

Несколько слов в обоснование выбора параметров. Разделение цивилизаций по форме семьи (моногамная или полигамная) обусловлено тем, что семья – это атом общества, и во что такие атомы сложатся, зависит от их типа.

Экономика также пронизывает все общество. Существует множество типов экономики, и их трудно было бы разместить линейно вдоль какой-то скалярной оси. Нивелировать это разнообразие позволяет *индекс экономической свободы*, на протяжении многих лет вычисляемый Институтом Фрейзера (Fraser Institute)*.

Устройство каждой страны, способы формирования ее политики во многом зависят от траектории движения идей, а та, в свою очередь, – от уровня политических и гражданских свобод. Для оценки последнего я использовал индексы гражданских и политических прав «Freedom House».

Важным параметром является так наз. мимезис, т.е. интенция общественного сознания, по Тойнби [Тойнби 1991, с. 93-94], настрой страны на прогресс или же, напротив, на сохранение традиций. Роль религии общепризнанна. Крайне значимым для различения цивилизаций представляется и отношение к науке, ибо в нем находит отражение степень признания приоритета логики перед освященными традицией мифами в решении общественных проблем.

И, наконец, особенности цивилизации немалой степени определяются тем, какой уровень в иерархии социальных структур считается там ключевым. Некоторые общества делают акцент на правах личности, другие – на силе государства, в третьих принадлежность корпорации важнее и прав личности, и прав государства.

Таблица 1

	ВБ	Г	Ир	Исп	КНР	Россия	США	Т	Я
Семья ¹	1,000	1,000	0,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,000	1,000
ИЭС ²	1,000	0,890	0,730	0,870	0,700	0,610	1,000	0,670	0,850
ГП ³	0,330	0,330	1,000	0,330	1,000	0,830	0,330	0,830	0,330
ПП ³	0,140	0,140	0,860	0,140	1,000	0,710	0,140	0,570	1,000
Мимезис ⁴	0,900	0,800	0,200	0,600	1,000	1,000	1,000	0,400	0,900
Религия ⁵	АХ	ПрХ	И	КХ	Б	ПХ	ПрХ	И	Б
Наука ⁶	0,258	0,207	0,004	0,058	0,039	0,139	1,000	0,018	0,242
Литература	З	З	В	З	В	З	З	ЗВ	ВЗ
Триада ⁷	Л	ГЛ	Г	ГЛ	Г	ГЛ	Л	ГЛ	К
Мегапроекты ⁸	0,500	0,700	0,100	0,200	1,000	1,000	0,900	0,200	0,300

Условные обозначения: **ВБ** – Великобритания, **Г** – Германия, **Ир** – Иран, **Исп** – Испания, **Т** – Турция, **Я** – Япония.

* На примере этого индекса можно показать, как производится нормирование. В группе сравниваемых стран наибольший индекс имеют США и Великобритания (8,2). Индексы всех остальных стран делятся на эту величину, что позволяет сопоставлять расстояния по различным индексам.

¹ **Семья** – моногамия (1) или полигамия (0).

² **ИЭС** – индекс экономической свободы, который вычисляется на основе 23 показателей [Gwartney, Lawson 2004].

³ **ГП** – индекс гражданских прав и **ПП** – индекс политических прав вычисляются «Freedom House» путем анализа комплексных исследований и экспертных оценок [WorldwidePress 2002].

⁴ **Мимезис**: абсолютная направленность в будущее – 1, в прошлое – 0; данные по моей оценке.

⁵ **Религия** – преобладающая в стране религия: АХ – англиканство, Б – буддизм, И – ислам, КХ – католицизм, ПХ – православие, ПрХ – протестанство. Расстояние между разными религиями приравнивалось к 1, между одинаковыми – к 0. Расстояние между христианскими конфессиями считалось равным 0,5. Данные сайта <http://www.adherents.com>.

⁶ **Наука** – величина, пропорциональная количеству научных статей, издающихся в стране ежегодно, данные взяты из Science 2004. Данные по России пересчитаны из данных для СССР за 1990 год.

⁷ **Триада**: Л – ориентация на личность, К – на корпорацию, Г – на государство. Если параметры совпадают, расстояние между странами приравнивается к 0, если нет – к 1.

⁸ **Мегапроекты** – параметр, отражающий способность страны реализовывать проекты сверхкрупных масштабов (космические, атомные, континентальных энергосистем и т.п.).

Таблица 2

Цивилизационное расстояние между странами									
	ВБ	Г	И	Исп	КНР	Россия	США	Т	Я
Великобритания	0,000	1,251	2,292	1,318	2,021	1,582	1,105	2,223	1,950
Германия	1,251	0,000	2,399	0,901	2,086	1,135	1,105	1,982	1,978
Иран	2,399	2,399	0,000	2,272	1,863	2,352	2,704	1,472	2,252
Испания	1,318	0,901	2,272	0,000	2,240	1,396	1,748	1,875	1,968
Китай	2,142	2,094	1,863	2,240	0,000	1,769	2,283	2,284	1,736
Россия	1,582	1,135	2,352	1,396	1,769	0,000	1,726	2,009	1,975
США	1,105	1,105	2,704	1,748	2,283	1,726	0,000	2,522	2,169
Турция	2,223	1,982	1,472	1,875	2,284	2,009	2,522	0,000	2,186
Япония	1,950	1,978	2,252	1,968	1,736	1,975	2,169	2,159	0,000

Несмотря на условность использованных данных, таблица дает довольно правдоподобные результаты*. Так, например, очень близкими друг к другу оказываются США и Великобритания. Самое же большое расстояние – между США и Ираном.

Судя по полученным результатам, Россия близка в цивилизационном отношении к Германии, что совпадает с интуитивными оценками многих культурологов. Более того,

* Работа с таблицей межцивилизационных расстояний, я использовал несколько различных наборов параметров, взятых из разных источников (например, подставлял данные о свободе прессы, публикуемые организацией «Журналисты без границ»). «Поведение» таблицы оказалось при этом на удивление устойчивым, т.е. страны, близкие при одних наборах исходных данных, оставались таковыми и при других.

обнаруживается, что от восточных стран (Ирана, Японии, Турции) она отстоит в целом гораздо дальше, чем от западных. Это позволяет сделать вывод, что пропасть между Россией и Западом не абсолютна и уменьшается со временем.

Что такое цивилизация

Здесь придется обратиться к одному из величайших философов – Гегелю. Он писал: «Неизмеримая масса желаний, интересов и деятельностей является орудием и средством мирового духа, для того чтобы достигнуть его цели, сделать ее сознательной и осуществить ее. /.../ Живые индивидуумы и народы, ища и добываясь своего, в то же время оказываются орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют» [Гегель 1935: с. 24-25]. Дух народа «входит во *всемирную историю*, события которой являют собой диалектику отдельных народных духов – *всемирный суд*. ...Мыслящий дух всемирной истории, поскольку он одновременно сбрасывает с себя и упомянутые ограничения особенных народных духов, и свой собственный мирской характер, постигает свою конкретную всеобщность и возвышается до *знания абсолютного духа* как вечно действительной истины, в которой знающий разум является свободным для себя, а необходимость, природа и история только служат к его раскрытию» [Гегель 1977: 365-371].

Итак, предположим, что цивилизация – это ступень мирового духа на пути к познанию абсолютной истины, и попробуем перевести имеющие мистический оттенок слова Гегеля на современный язык. Как уже говорилось, мышление – коллективный феномен. Человек получает от общества все понятия, которыми оперирует, представления о мире, о процессах в нем. Даже слова, в которых он формулирует свои мысли, дает ему общество. Чем более развито общество, тем меньшая часть накопленной им информации доступна отдельному индивиду. В своих знаниях о географии человек вынужден доверять одним людям, об устройстве Вселенной – другим, о болезнях – третьим. Тем не менее, суммарная модель мира присутствует в коллективном сознании и вполне способна действовать. Помимо научной модели имеется система практических знаний и навыков, обычаев, даже предрассудков, исторический смысл которых нам не всегда понятен. В чем, например, полезность для народа национальных узоров на посуде или особой формы крыш на зданиях?

Но этот комплекс идей существует и воспроизводится во времени, а значит – он вполне эффективен, т.е. некоторым образом соответствует внешнему миру, относительно правильно отражает его. Таким образом, *разум* (в полном смысле слова) – это *системное свойство достаточно большого сообщества людей, связанных языковой коммуникацией в информационную мегамашину*. Цивилизация есть своеобразная «операционная система» данной мегамшины, обеспечивающая ее функционирование, самовоспроизводство и развитие.

В эволюции материи можно выделить ступени, отличающиеся друг от друга *способами* эволюционирования. Для биологического уровня характерны наследование, изменчивость и отбор. В эволюции общества присутствуют все эти компоненты, но ее специфика заключается в том, что общество *планирует свою изменчивость*. Ни одно живое существо не в состоянии сознательно мутировать – так чтобы его потомство имело,

скажем, более теплый мех или когти специальной формы. Общество же может *изменять свое строение на основе предварительного моделирования желательной ситуации*. Когда племя охотников придумывает новый способ охоты или начинает использовать новые орудия, это меняет само племя, его строение, как если бы животное изменило строение своего организма. Однако подобные изменения происходят не в результате слепых мутаций, а обдумываются и обсуждаются людьми, т.е. предварительно создается *идеальная модель* функционирования модернизированного племени во внешнем мире. И хотя способность людей предвидеть последствия своих шагов весьма ограничена, вероятность удачи подобного изменения намного выше, чем чисто случайного.

Отсюда – колоссальная важность идеальной модели мира для выживания и развития сообщества людей. Истинность различных моделей все время проверяется движением мировой истории, отбирающей наиболее эффективные («всемирный суд» Гегеля). Причем в эти модели входят не только знания людей о внешнем мире, но и их представления о допустимом устройстве общества. Например, допустимо ли иметь четырех жен, использовать пленных как рабов, взимать процент со ссуды, иметь в частной собственности заводы и т.д.? Все эти идеи определяют варианты изменений, которые может планировать общество, возможные линии его эволюции, а тем самым – и будущее вообще. Желая построить дом, или начать выпуск автомобилей, или завести семью, человек вынужден оперировать теми конструктивными элементами, которые предоставляет ему его цивилизация. Если он намерен создать новое производство, то в социалистическом обществе ему нужно писать письма в министерства, в Госплан, в ЦК, а в капиталистическом – разрабатывать бизнес-план и искать инвесторов. Когда европеец хочет жениться, он ухаживает за девушкой, знакомится с родителями, а азиат готовит калым или ищет кунаков, чтобы украсть невесту. Что бы ни стремился создать человек или организация, им приходится пользоваться теми элементами и теми типами взаимодействий между ними, которые предлагает цивилизация. Раньше, чем планировать создание завода по выпуску автомобилей, нужно иметь в голове *понятия* «завод» и «автомобиль», в принципе недоступные в киевской Руси, к примеру.

Очень важной частью модели является та ее составляющая, при помощи которой общество осознает *себя в мире*. Оно может полагать своими предками, скажем, медведей или орлов, а может считать людей творением Бога или результатом космической эволюции. Представление общества о себе, о том, каким оно должно быть в идеальной норме, играет принципиальную роль в эволюции общества, *задавая те рамки, в которых происходит конструирование будущего состояния*.

На начальных этапах развития общества недостаток знаний научного типа компенсируется *мифом*. Не являясь точной научной моделью мира, миф функционален, ибо регулирует поведение людей таким образом, что общество в целом выигрывает. Это означает, что в некотором высшем смысле миф, его глубинные структуры конгруэнтны структурам объективного мира, что он представляет некое косвенное знание о Вселенной.

Совокупность идей общества о мире и о себе, воплощенная в его строении, и есть цивилизация. Поэтому возможны как очень маленькие цивилизации, вроде цивилизации изолированного племени, так и очень большие, подобные западной. Цивилизация

возникает вместе с разумом как специфическим для общества способом эволюции через идеальное конструирование своего будущего.

Итак, цивилизация – это целостный комплекс представлений общества о мире и о своем месте в нем, это коллективная мысль общества, *сознающий себя и конструирующий свое будущее дух народа или общности народов.*

На протяжении многих веков происходили постоянные войны племен, народов и государств. При этом историческому отбору подвергались как цивилизации в целом, так и составляющие их идеальные блоки. Именно войны заставляли народы заимствовать организацию войск, технологии изготовления оружия [Монтескье 1955], системы государственного управления. Здесь совершался «всемирный суд» Гегеля, отбирая все более и более высокий тип духа общества. Поскольку способность человека к предвидению (или, говоря современным языком, вычислительная мощь социальной мегамашины) не безгранична, на идеальном уровне невозможно безошибочно сконструировать лучшее будущее; окончательная проверка осуществляется через конкуренцию практически реализованных конструкций.

Но в последние столетия в Европе возник принципиально новый способ эволюции. Конкуренция идейных систем и блоков была перенесена внутрь общества, приняв форму практической конкуренции политических партий и экономических организаций как социальных подсистем. Эволюционный смысл плюрализма состоит именно в этом.

Данная мутация была связана с коренной перестройкой базовых принципов западного общества, а конкретно – с отказом от привнесенного германскими племенами монархизма. Дальнейшее развитие принципов плюрализма привело к созданию огромной социальной среды конкуренции, а следовательно – и *эволюции* экономических организаций и политических идей. В XVII – XX вв. в эту среду постепенно включились все западные страны, что знаменовало собой окончательное оформление западной цивилизации.

В 1917 г. Россия могла пойти по пути европейских стран, однако сравнительно малые возмущения привели к тому, что был выбран другой путь, фактически означавший возведение в абсолют монархического компонента (централизации управления). Естественным следствием абсолютизации единоправления (моно-архии) стало лишение самостоятельности практически всех элементов народного хозяйства. Ведь независимость буржуазного предприятия мешает монархии, нарушает ее кибернетические контуры. Рост масштабов капиталистического производства входит в неустранимое противоречие с этими контурами, делая неизбежным либо перехват управления классом капиталистов, либо ликвидацию этого класса, а вместе с ним – и конкуренции.

Именно неприятие политического и экономического плюрализма стало точкой расхождения российского и западного комплексов идей. Этничность, сакральность и тем более алфавит играют гораздо менее принципиальную роль в *способе эволюции, способе движения из прошлого в будущее* этих комплексов – иначе говоря, в способах планирования (не случайно социалистическую экономику часто называют *плановой*).

Одним из базовых, глубинных принципов русского сознания выступает мессианство. Осознание того, что тоталитаризм не дает никаких шансов на лидерство

даже в отдаленной исторической перспективе, и являлось скрытой причиной падения коммунистической системы. Плюрализм был выбран (пусть не вполне осознанно) как способ движения в будущее, как метод прогрессивной эволюции. Но, выбрав плюрализм, Россия уничтожила основной водораздел между собой и западной цивилизацией.

Блок мировой науки давно принят Россией. Даже советская система не смогла полностью отключить Россию от западной культуры, хотя и пыталась установить здесь определенные фильтры. Русские школьники десятки лет читают Майн Рида, Марка Твена, Шекли и Саймака, слушают западную музыку. Восстановление обратного влияния русской культуры хотя бы на уровне XIX в. потребует, возможно, десятилетий.

Сегодня Россия все активнее входит в единое эволюционное пространство, предоставляя свою социальную среду для создания и конкуренции международных экономических организаций. То, что было удивительным еще несколько лет назад, становится нормой. Разработанные в России электронные устройства собираются на Тайване и в Китае. Международные корпорации открывают производства в России, а отечественные предприниматели инвестируют за рубежом. Политические идеи, рожденные во Франции и в Германии, становятся ориентирами для российских граждан, и государство уже не преследует их за это. Россияне свободно выезжают за рубеж и возвращаются обратно.

Реальная жизнь порождает миллионы социальных взаимодействий между жителями России и других стран, причем гораздо чаще – западных, чем восточных. Наконец, продолжают усложняться социальные системы, и такое усложнение скоро потребует объединения в одном правовом и культурном пространстве приблизительно миллиарда человек. Все это толкает Россию и Запад друг к другу, что бы ни говорили новоявленные славянофилы.

Но, накатываясь на Россию, волна западной цивилизации неминуемо приобретает новые черты. Подобно тому, как, будучи воспринята германскими и саксонскими племенами, западная цивилизация ушла от Рима, оставив на своей окраине Грецию и Италию, она имеет шанс обновиться и обрести новые силы на бескрайних просторах России.

Эволюция Вселенной продолжается, и даже пространство «от Дублина до Владивостока» может быть только временной площадкой для такой эволюции.

Выводы

1. Цивилизация является органической системой идей (идейным гештальтом), самовоспроизводящейся в социальной материи.
2. Движение и функционирование цивилизации непосредственно связано с важнейшим системным свойством человеческого общества – мышлением. Мышление имеет принципиальное эволюционное значение как способ конструирования моделей желательного будущего, на основании которых общество изменяет себя.
3. Цивилизация основывается на системе идеальных образов, часто несоизмеримой с системами образов других цивилизаций.

4. В общих чертах эволюция цивилизаций происходит по Дарвину – через наследование, изменчивость, отбор.
5. Сложность цивилизаций возрастает по мере их развития. Одновременно увеличивается и количество заключенной в них информации. Для функционирования крупнейшей на сегодняшний день западной цивилизации требуется сообщество, включающее не менее 300 млн. чел.
6. В настоящий момент Россия находится в состоянии цивилизационного (парадигмального) сдвига, связанного со сменой значительной части ее ментального поля. Принятие рыночного, плюралистического, образа мысли вводит ее – по структуре основных блоков цивилизационного гештальта (научная рациональность, христианская мораль, рыночное хозяйство и политический плюрализм) – в круг стран западной цивилизаций.
7. Быстрое усложнение цивилизаций делает невозможным дальнейшее автономное цивилизационное развитие России, что вынуждает ее присоединиться к одной из существующих цивилизаций. Наиболее близкой для России является западная европейская цивилизация, конвергенция с которой и представляется наиболее вероятной.
8. Слияние русской и западной цивилизаций неминуемо изменит результирующий гештальт, и новая цивилизация будет сочетать в себе их элементы, подобно тому, как современная западная цивилизация соединяет элементы множества различных культур.

Литература

- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.
- Гегель Г. 1935. *Сочинения*. Т. 8. М., Л.
- Гегель Г. 1977. *Энциклопедия философских наук*. Т. 3. М.
- Диденко Б.А. 1996. *Цивилизация каннибалов*. М.
- Журнал миметики. – <http://www.cpm.mtu.ac.uk/jom-emit/>.
- Ильин М.В. 2001. Политология России: между научным лидерством и провинциализмом. – *Политическая Россия: предмет и методы изучения*. М.
- Кастлер Г. 1967. *Возникновение биологической организации*. М.
- Крестьянский В.И. 1969. *Структурные уровни живой материи*. М.
- Культурология. XX век. Энциклопедия*. 1998. СПб.
- Кун Т. 2001. *Структура научных революций*. М.
- Монтескье Ш.Л. 1955. *Избранные произведения*. М.
- Платон. 1994. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Т. 1. М.
- Поппер К. 2002. *Объективное знание*. М.
- Соловьев В. 2001. Великий спор и христианская политика. – *Византизм и славянство*. М.
- Сухарев М.В. 1998. Взрыв сложности. – *Компьютерра*, № 43.

- Сухарев М.В. 2001. Эволюция общества, как движение идей. – *Социально-экономическое, духовное и культурное возрождение Карелии*. Петрозаводск.
- Сухарев М.В. 1987 Движение порядка в природе. Рукопись: доступна в Интернет. – http://suharev.narod.ru/Ind_fil.htm
- Тойнби А.Д. 1991. *Постижение истории*. М.
- Турчин В. 2000. *Феномен науки*. М.
- Хантингтон С.П. 1997. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги). – *Pro et Contra*, т. 2, № 2.
- Цымбурский В. 1997. Народы между цивилизациями. – *Pro et Contra*, т. 2, № 3.
- Шарден Т.П. 1987. *Феномен человека*. М.
- Gatherer D. 1997. Macromemetics: Towards a Framework for the Re-unification of Philosophy. – *Journal of Memetics*, vol. 1 (http://www.cpm.mmu.ac.uk/jom-emit/1997/vol1/gatherer_dg.html).
- Gwartney J.D., Lawson R. *Economic Freedom of the World: Annual Report*. Vancouver. 2004.
- Science and Engineering Indicators 2004. Arlington VA.
- WorldwidePress Freedom Index. s.a. – http://www.rsf.org/article.php3?id_article=4116.